

УДК 811.112.2

ИНФЕРЕНЦИЯ ИМЕННЫХ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Л. В. Воронина

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
voronina@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются механизмы хранения и воспроизведения информации в структуре производных слов немецкого языка. Анализируется роль концептуальных структур, репрезентируемых морфемами, словообразовательной модели и дискурса в инференции именных производных слов.

Ключевые слова: производное слово, инференция, многозначность, словообразовательная модель, мотивированность, хранение и воспроизведение информации.

В качестве основной посылки складывающейся в отечественной науке когнитивно-дискурсивной парадигмы знаний выступает определение языка как когнитивного процесса, осуществляемого в коммуникации. «Процесс этот является когнитивным, поскольку он связан с осмыслением опыта человека и познанием мира, но он является одновременно и связанным с коммуникативной деятельностью человека, так как вне этой деятельности нельзя сделать опыт человека и его оценку достоянием других людей» [1, с. 391].

Введение новой парадигмы лингвистического знания способствовало переосмыслению традиционных постулатов, разрабатываемых в теории словообразования, с учетом коммуникативных потребностей человека.

Так как процессы когниции тесно связаны с языком, а категоризация и классификация познания мира и восприятия действительности происходит с помощью языка, теория словообразования призвана дать ответ на вопросы, какую роль играют словообразовательные процессы в концептуализации и категоризации языковой картины мира; как формируется новое значение, и возникают новые словообразовательные модели; каким образом когнитивные процессы обуславливают выбор средств номинации продуктов познания в дискурсе.

Отмечая многообразие языковых средств, отражающих акты познания и оценку мира человеком на современном этапе, лингвисты делают вывод о том, что в формировании языковой картины мира на современном этапе все большую роль играют средства вторичной номинации, удельный вес производных слов в лексике современных языков значителен. В этой связи центральной единицей словообразовательной системы становится производное слово, порождение и использование которого связано с коммуникативными потребностями речемыслительного процесса.

Процесс образования производного слова отражает процесс развития концептуальной системы человека. Как производное слово возникает на основе имеющихся в определенном языке словообразовательных средств и словообразовательных моделей, так и концепт, возникший в ходе познавательной деятельности, предопределен существующими концептами и концептуальными структурами. Когнитивный анализ структуры производного слова позволяет установить связь между семантикой языковых единиц и концептами или объединениями концептов и сделать вывод о том, как создается концепт или объединение концептов, репрезентируемое производным словом.

Производное слово является той когнитивно-дискурсивной структурой, которая хранит и отражает процессы познания и восприятия действительности. Изучение производных слов позволяет выявить механизмы, определяющие процессы обработки и хранения информации.

И в этой связи важной задачей теории словообразования становится проблема распределения информации в производных словах разного типа и механизмов инференции (семантических выводов), которые способствуют процессу понимания дискурса, то есть исследование механизмов инференции призвано дать ответ на вопрос, каким образом человек способен выводить новые знания на основе уже имеющихся.

Проблема инференции является одной из малоизученных в лингвистике, высказываются различные точки зрения на то, каким образом человек выходит за пределы содержащейся в тексте информации и получает новую информацию.

Полагают, что инференция может происходить в опоре на строящуюся ментальную модель текста, на знания говорящего/ слушающего, помогающие домыслить ему недостающие логические звенья в описываемых явлениях, или распознать установки коммуникативного акта и интенции партнера по диалогу. Так, Р. Джекендофф полагает, что базой выводных знаний в естественном языке могут считаться не только реальные текст или дискурс, но и концептуальная система с правилами ее построения, а потому способность к инференции распространяется и на обычное поведение человека [2, с. 35].

Преломляя проблему семантического вывода на производное слово, Е. С. Кубрякова высказывает точку зрения, что процессы инференции нового производного слова связаны со знаниями словообразовательной модели, знаниями аффикса, входящего в состав производного слова, и знаниями его отсылочной части.

В формальном отношении любое производное слово представляет собой свернутый трансформ, мотивированность которого предопределена связью с мотивирующей единицей, от которой образовано слово, однако, как неоднократно было отмечено в лингвистике, значение целого слова или выражения не вытекает из суммы значений составляющих его компонентов. В поверхностной структуре производного слова информация распределена таким образом, что часть информации эксплицитно выражена в его составляющих, а часть информации скрыта и должна быть восстановлена в акте коммуникации.

В данной статье нам хотелось бы остановиться на механизмах хранения и воспроизведения информации в именных производных словах немецкого языка и роли словообразовательных процессов в порождении новых слов.

Разделяя точку зрения Е. С. Кубряковой на проблему семантического вывода, мы предполагаем, что инференция производного слова связана со знаниями словообразовательной модели и знаниями концептуальных структур, репрезентируемых словообразовательными компонентами, если речь идет о производном слове как единице лексической системы языка. Если рассматривать производное слово в акте коммуникации, необходимо учесть роль третьего фактора – контекста, так как именно в дискурсе происходит идентификация референта как объекта реального мира.

Проанализируем роль данных факторов в понимании именных производных слов немецкого языка.

Изучая механизмы распределения внимания в языке, Л. Талми пришел к выводу о том, что «при восприятии морфемы на слух мы явственно представляем ее значение как неделимое целое и почти не осознаем его отдельные компоненты, необходимые для формирования значения. Такие компоненты обычно не появляются внезапно в нашем сознании – они находятся на заднем плане внимания, однако они требуют особых лингвистических методик для их выявления» [3, с. 27].

Если рассмотреть смысловую структуру производных слов немецкого языка, обращает на себя внимание тот факт, что вычленимые структурно словообразовательные компоненты производного слова (корни, аффиксы, соединительные элементы и т. п.) неодинаково участвуют в хранении и воспроизведении информации, репрезентируемой производным словом. В дальнейшем будем использовать термин «морфема», под которым понимаем минимальный знак, обладающий определенным содержанием.

Так, анализируя смысловую структуру именных производных слов немецкого языка, мы пришли к выводу, что, в целом, с точки зрения способности хранить и воспроизводить определенную информацию, закрепленную за словообразовательными компонентами, можно выделить 4 типа словообразовательных морфем:

1. Морфемы, которые отражают концептуальные признаки, содержащиеся в значении слова, среди них можно выделить два подтипа: однозначные и многознач-

ные. Языковой знак, состоящий из такого рода морфем, может репрезентировать вне дискурса один или несколько концептов.

Количество однозначных словообразовательных морфем в немецком языке ограничено, это обусловлено, прежде всего, тенденцией к языковой экономии, язык не способен породить бесконечное число новых словообразовательных элементов.

Большинство морфем немецкого языка характеризуется многозначностью.

Продемонстрируем многозначность на примере суффикса *-er*. Так, германисты фиксируют следующие значения морфемы:

- a. Person: Empfänger, Prüfer;
- b. Beruf: Lehrer, Bäcker, Fußballer, Gewerkschafter, Metaller;
- c. Herkunft: Dortmunder, Amerikaner;
- d. Gerät: Kocher, Füller, Heber;
- e. Fahrzeuge: Laster, Dampfer, Dreimaster, Stromer;
- f. Produkt: Seufzer, Schluchzer, Rülpsen;
- g. Objekt: Anhänger, Aufkleber, Hocker, Vorleger;
- h. Tier: Dickhäuter, Warmblüter, Blutsauger;
- i. Numeriertes Ding (Bus, Berg, Münze): Fünfter, Dreitausender.

В современном немецком языке список данных значений может быть продолжен, если рассматривать окказиональные значения суффикса.

Анализируя смысловую структуру значений суффикса, Йорг Майбауер пришел к выводу, что суффикс может репрезентировать 3 категориальных концепта ЛИЦО (Person), ТЕХНИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО, ПРИБОР (Gerät), ДЕЙСТВИЕ (Produkt) и 3 субкатегориальных концепта ПРОФЕССИЯ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО. Концепты ПРОФЕССИЯ и ПРОИСХОЖДЕНИЕ включены лингвистом в категориальный концепт ЛИЦО, а концепт ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО (Fahrzeug) - в категориальный концепт ТЕХНИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО, ПРИБОР (Gerät) [6, с. 111].

Вычленение отдельного значения из множества может происходить как в семантической структуре слова, если другие компоненты словообразовательной структуры накладывают ограничения на реализацию нескольких значений, так и в контексте.

Слушающий обычно воспринимает только одно из множества значений морфемы, что является следствием двух когнитивных операций, осуществляемых языковой когницией: выдвиганием на передний план внимания одного из значений слова и передвижением на задний план внимания остальных его значений [3, с. 35].

Каждый язык располагает как языковыми единицами, способными выражать различные смыслы, так и разноструктурными средствами для выражения определенного смысла.

В то время как одна морфема может выражать разные концептуальные значения, две разные морфемы могут обладать набором одинаковых или близких по значению концептуальных признаков. Так, морфемы *-heit*, *-keit* и *-igkeit* в немецком языке обозначают качество, свойство: *die Klugheit*, *die Aufmerksamkeit*, *die Beweisbarkeit*, *die Boshaftigkeit*.

Воспринимая мир, отражая и интерпретируя его, говорящий использует из многообразия языковых средств единицы, отражающие его интенции в данном коммуникативном акте. Существование многообразия языковых средств подтверждает тот факт, что «одна и та же онтологическая ситуация, одно и то же объективное положение дел, и, наконец, один и тот же наблюдаемый объект и т. п. могут быть увидены и осмыслены эпистемологически по-разному. Такие единицы отражают разную концептуализацию мира. Язык поддерживает стремление говорящего субъекта отразить в наблюдаемых им явлениях свою точку зрения на происходящее...» [1, с. 437].

Так, из номинаций зеленого дятла, сформировавшихся в немецком языке: *der Grünspecht* (зеленый дятел), *der Zimmermann* (досл. плотник), *der Holzhacker* (досл. дровосек), *der Regenvogel* (досл. птица дождя) – в конкретном дискурсе говорящий использует ту, которая отражает его субъективное видение объекта в определенной ситуации.

2. Второй тип словообразовательных морфем характеризуется референциальным сдвигом с конкретного значения морфемы на более абстрактное, смещением акцента в сторону выражения усиления или ослабления концептуальных признаков референта, репрезентируемого другим компонентом производного слова. В результате введения таких компонентов в структуру производного слова происходит выдвигание на передний план количественного или качественного преобразования отдельных признаков референта. К таким морфемам относятся полуаффиксы со значением усиления, уменьшения, диминутивные суффиксы и дублируемые морфемы. Важно подчеркнуть, что большинству таких морфем в системе свойственна имплицитная оценочность.

Так, введение полуаффиксов в структуру производных слов *Affen-*, *Höllen-* в следующих контекстах репрезентирует высшую степень проявления признаков референта и предсказуемо сопровождается появлением негативной оценки:

Eine *Affenhitze* ist da heute wieder! Und ein *Höllennlärm* obendrein: haben sich die Nachbarn nicht beschwert? (Weinrich).

Однако, оценочность может быть и не заложена в семантическую структуру морфемы, и порождаться субъективным восприятием событий в конкретном высказывании. Так, нейтральный компонент *haben* формирует негативные семы «безудержное стремление к накоплению, наживе» за счет механизма дублирования и когнитивно-словесного окружения в следующем контексте.

Er glaubt, daß die *Haben-haben-haben-Wirtschaftsordnung* auch ohne Atomkrieg im Jahre 2000 abgelöst sein wird durch die sozialistische Wirtschaftsordnung (Frank).

Модель формирования подобных производных слов продуктивна на современном этапе развития немецкого языка. Это обусловлено стремлением говорящего к выразительности и эмоциональности выражения мысли.

3. К третьему типу относятся немотивированные на современном этапе развития языка морфемы. Слово, состоящее из такого рода морфем, воспринимается как неделимая структура, а его значение невыводимо из значений компонентов, образующих конструкцию.

Среди таких морфем можно выделить два типа немотивированности.

Во-первых, языковые единицы, мотивация которых была утеряна в процессе развития языка, однако, проследив развитие такого рода морфем можно восстановить их историческое значение. К таким морфемам относятся, например, *lind* от средневерхненемецкого *lind* ('Schlange') в слове *Lindwurm*, *him-* от средневерхненемецкого *hinde* ('Hirschkuh') в слове *Himbeere*, *brom* от средневерхненемецкого *bramo* ('Dornstrauch') в *Brombeere*, *-gall* от средневерхненемецкого *galen* ('singen') в *Nachtigall*, *veil-* от древневерхненемецкого *fiol* ('Viola, Veilchen') в *Veilchen*, *-gam* от древневерхненемецкого *gomo* ('Mann') в *Bräutigam* и др. [5, с. 29].

Во-вторых, языковые единицы, природа мотивации которых носит дискуссионный характер. К таким, прежде всего, относятся редулицируемые морфемы, вычленяемые как формы, однако природа их мотивации, как полагают психологи, носит звуко-символический характер. Между фонемами слова и полагаемым в основу номинации незвуковым, неакустическим признаком обозначаемого устанавливается произвольная, фонетически мотивированная связь. Таким образом, редулицированные структуры способны предвосхищать связь с так называемой общей, отвлечённой ситуацией посредством имитативно-аналогичного выражения, формируя связь «явление + эмоциональное состояние при говорении и слушании + вербальная реакция (актуализация в речи)». На передний план внимания выступают определенные оттенки значения, а также сопровождающие чувства, эмоции.

Такие образования больше намекают на заложенный в них смысл, нежели означают. Как следствие, такие единицы характеризуются полисемичностью и потенциальной способностью к выражению широкого спектра чувств и эмоциональных оттенков. В этой связи возрастает их коммуникативная значимость для передачи дополнительных смыслов, особенно это касается экспрессивной функции.

4. Особым типом словообразовательных элементов являются морфемы, смысл которых формируется в дискурсе и становится понятным только в опоре на другие единицы контекста. Такие морфемы образуют разного рода окказионализмы.

Так, семантическая структура следующих субстантиваций, основанных на звукоподражании, в данных высказываниях становится понятной только в опоре на контекст.

"Welches Ticken?"

"Dieses ewige Tick-tick-tick, als wenn immer etwas tropft" (Konsalik).

"Wie lieb, wie herzig!" schrie Paul und sah schon wieder etwas Neues! Im Hof spazierte die weiße Henne herum, aber sie war nicht allein! Sie hatte viele kleine Pipileien! (Schmaus).

Такие производные слова представляют собой случаи индивидуального употребления.

В целом, инференция производного слова невозможна без знаний смысловых структур, репрезентируемых словообразовательными компонентами, и/ или ассоциативных связей с уже усвоенными единицами.

Возникновение новых единиц в языке, также как и их восприятие происходит на основе системных связей с другими, уже усвоенными единицами. «Парадигматические ассоциации, основанные на укрепившихся в языковом сознании системных, прототипических соотношениях однотипных языковых единиц, срабатывают и при определении значений производных (или осмысливаемых в качестве производных) слов...» [4, с. 87].

Остановимся на роли словообразовательной модели в инференции производного слова. Предполагаем, что существуют закономерности соотношения формы и содержания в разных словообразовательных моделях. Количество потенциальных позиций формирования значения производного слова зависит как от словообразовательной модели, так и от концептуальных структур, репрезентируемых языковыми знаками.

Рассмотрим на примере модели «глагол + суффикс - er», который, как упоминалось выше, может репрезентировать 3 категориальных концепта: ЛИЦО (Person), ТЕХНИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО, ПРИБОР (Gerät), ДЕЙСТВИЕ (Produkt).

Так, от глагола *lehren* «учить, обучать, преподавать» по данной модели сформировалось производное слово *Lehrer* «учитель, преподаватель, наставник», таким образом, реализована лишь одна возможность – репрезентация концепта ЛИЦО.

От глагола *schneiden* «разделять, отделять, сепарировать» сформировались *der Schneider* в значениях «портной» и «сепаратор, отделитель», реализованы две позиции: концепт ЛИЦО и ТЕХНИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО.

Глагол *piepsen* «пищать, чирикать, свистеть» позволяет зафиксировать репрезентацию трех концептов ЛИЦО, ПРИБОР и ДЕЙСТВИЕ. Так, *der Piepser* может выступать в следующих значениях: «птенец, пискун», «пейджер», «писк, свист».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что смысловые модификации отглагольных дериватов, образованных с помощью суффикса - er, могут быть представлены репрезентацией от одного до трех категориальных концептов.

Еще богаче реестр передаваемых словообразовательных значений характеризует именные производные слова, образованные с помощью композиции. Следует подчеркнуть, что комбинироваться в составе именного композита в левой части могут слова всех частей речи, фразы, конфиксы и уникальные образования, при этом количество компонентов, участвующих в структуре композита, системой языка неограниченно. В большинстве случаев правую часть таких композитов составляют субстантивы.

Спецификой немецкого языка является широкое использование детерминативных композитов для репрезентации разных категорий, в том числе: выражения признака, свойства объекта. Русский язык в подобных случаях использует имена прилагательные, многие европейские языки прибегают для выражения подобного смысла к предложным словосочетаниям. Ср.: русск. картофельный салат, польск. *sałatka z kartofli*, франц. *salade de pomme de terre*, испанск. *ensalada de patatas*, португ. *salada de potato* и нем. *Kartoffelsalat*.

Прототипичной словообразовательной моделью немецкого языка является композит, сформированный на основе двух субстантивов. Прототипичность обуславливает, во-первых, высокую продуктивность такого рода субстантивных образований, во-вторых, неограниченный потенциал формирования смысловых модификаций языковыми единицами, образованными по данной модели.

Чтобы оценить богатый потенциал данной модели, приведем пример из работы Херингера, который зафиксировал функционирование композита *Fischfrau* в следующих значениях:

- 'Frau, die Fisch verkauft';
- 'Frau eines Fisches';
- 'Frau, die Fisch isst';
- 'Frau, die Fisch produziert';
- 'Frau, die kühl wie ein Fisch ist';
- 'Frau, die den Fisch gebracht hat';
- 'Frau, die bei dem Fisch steht'.

Лингвистом зафиксирован индивидуальный случай употребления данного композита в значении: 'Frau, die gestern war und gesagt hat, dass sie Fisch auf den Tod nicht ausstehen kann' [Цит. по: 5, с. 108].

Независимо от количества потенциальных смысловых модификаций таких композитов, носитель немецкого языка, основываясь на знании словообразовательной модели, делает вывод о том, что референт, репрезентируемый правой частью композита, находится в определенных отношениях с референтом, репрезентируемым левой частью композита. Однако, конкретизировать природу этих отношений вне дискурса, невозможно.

Остановимся на роли дискурса в инференции производного слова.

Многозначность морфем порождает многозначность производного знака, большинство словообразовательных моделей немецкого языка характеризуются гибкостью и способностью к формированию целого ряда значений. Креативность носителей языка позволяет на базе этих двух факторов формировать индивидуальные значения, не фиксируемые лексической системой.

Однако, следует помнить о том, что, несмотря на многозначность производных слов, одни значения реализуются чаще, соответственно, они могут вызываться быстрее сознанием при актуализации, другие реже. Это означает, что при восприятии слов на слух некоторые из его значений более привычны, а некоторые остаются скрытыми.

Следовательно, если концепт, содержание которого говорящий намеревается передать, является одним из таких невыделенных значений, выдвижение на передний план внимания одного из множества значений слова и соотнесение с конкретным референтом или референтной ситуацией может происходить только в дискурсе.

Так, именно контекст позволяет прийти к выводу о том, что композит *Schnickschnack-Läden* используется в следующем высказывании в значении «магазины недорогих сувениров, подарков», не фиксируемом словарями:

Spielhallen, Schnell-Imbisse, Schnickschnack-Läden, Videotheken, Pornoshops entstanden dort, wo der Pächter eines Familienbetriebs wegen der ins Unermeßliche gestiegenen Mieten aufgab oder wo ein Ladeninhaber entdeckte, daß durch Verpachtung mehr zu verdienen war als mit der Plackerei im eigenen Geschäft (Merian, Köln, 1994).

Вне контекста смысл производного слова, который намеревался передать журналист, оказался бы невыделенным, так как знание фиксируемых словарями значений составляющих композита и модели не позволяет сделать однозначный вывод. Ср. "*Schnickschnack*", согласно словарю Варига, имеет значения: "болтовня, глупые речи", а компонент *Läden* обозначает «магазин, лавочку».

Таким образом, подытоживая все вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что инференция производного слова происходит в опоре на знания смысловых структур, закрепленных за определенными морфемами, знания словообразовательной модели и знания контекста.

Вычленяемые структурно словообразовательные морфемы производного слова неодинаково участвуют в хранении и воспроизведении информации, репрезентируемой производным словом.

Семантический потенциал производных слов, их информативная насыщенность оказывается тем мощным фактором, который детерминирует успешность коммуникации и их предпочтительность в процессах порождения говорящим и восприятия слушающим.

В целом, когнитивно-дискурсивный подход к изучению производных слов открывает новые возможности для анализа когнитивных процедур обработки и хранения знаний в структуре производного слова; изучения композиционной семантики языковых единиц; взаимосвязи когнитивных процессов и развития полисемии производного слова.

Список литературы

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
2. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1997. – 242 с.
3. Талми Леонард. Феномены внимания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. – С. 23–44.
4. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. – М.: Знак, 2009. – 592 с.
5. Donalies Elke. Basiswissen. Deutsche Wortbildung. – Tübingen, Basel: A.Francke Verlag, 2007. – 138 S.
6. Meibauer Jörg. Wortbildung und Kognition. Überlegungen zum deutschen -er-Suffix // Deutsche Sprache 23. – Berlin: Erich Schmidt Verlag. – S. 97–123.

INFERENCE OF NOMINAL DERIVATIVES IN GERMAN LANGUAGE

L. V. Voronina

*Belgorod
State
University*

*e-mail:
voronina@bsu.edu.ru*

The article deals with mechanisms of storing and reproduction of information in the structure of derivatives in German language. The role of conceptual structures represented by morphemes, word-building model and discourse in inference of nominal derivatives is analysed.

Key words: derivative, inference, polysemy, word-building model, motivation, storing and reproduction of information.